
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В УЧЕНИИ П.А. КРОПОТКИНА

© 2023 г. А. Н. Тимонин

Уфимский университет науки и технологий

E-mail: tgp.bgu@mail.ru

Поступила в редакцию 08.11.2022 г.

Аннотация. Этактогенетические воззрения П.А. Кропоткина, пульсируя от фактора к фактору, не отличались четко выраженным монизмом. При всей волатильности состава факторов государствообразования приоритетными неизменно оставались элитарные потребности и цели, насильственная деятельность элитарных групп, прежде всего воинских, по отношению к городским и сельским общинам. В том же направлении, преследуя те же цели, что и воины, действовали судьи и легисты, использовавшие для обеспечения формирующегося политического господства элит римско-византийское право. Хотя идея о военном происхождении всех европейских государств эпохи модерна менее заметна в конструкции факторов государствообразования, нежели в концепте «военных государств», она, по сути, — убедительное свидетельство их насильственной природы. При такой трактовке процесса государствообразования этактогенетическая концепция П.А. Кропоткина представляет собой не судебную или же правовую концепцию происхождения государства, а особую версию теории насилия.

Ключевые слова: анархизм, насилие, государство, государство модерна, происхождение государства, происхождение государств модерна, военное происхождение государств модерна, этактогенетическая концепция, теория насилия, факторы государствообразования.

Цитирование: Тимонин А.Н. Происхождение государства в учении П.А. Кропоткина // Государство и право. 2023. № 7. С. 120–128.

DOI: 10.31857/S102694520025952-8

THE ORIGIN OF THE STATE IN THE STUDIES OF P.A. KROPOTKIN

© 2023 A. N. Timonin

Ufa University of Science and Technology

E-mail: tgp.bgu@mail.ru

Received 08.11.2022

Abstract. The etatogenetic views of P.A. Kropotkin, pulsating from factor to factor, did not differ in clearly expressed monism. Despite the volatility of the composition of the factors of state formation, elite needs and goals, violent activity of elite groups, primarily military, in relation to urban and rural communities, have always remained a priority. In the same direction, pursuing the same goals as the soldiers, judges and legists acted, using Roman-Byzantine law to ensure the emerging political domination of the elites. Although the idea of the military origin of all European states of the modern era is less noticeable in the construction of factors of state formation than in the concept of “military states”, it is, in essence, a convincing evidence of their violent nature. With this interpretation of the process of state formation, P.A. Kropotkin’s etatogenetic concept is not a judicial or legal concept of the origin of the state, but a special version of the theory of violence.

Key words: anarchism, violence, the state, the modern state, the origin of the state, the origin of the modern states, the military origin of modern states, etatogenetic concept, the theory of violence, factors of state formation.

For citation: Timonin, A.N. (2023). The origin of the state in the studies of P.A. Kropotkin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 120–128.

Несмотря на бесспорные успехи, достигнутые в процессе изучения этатогенетических воззрений русского анархиста, в трудах ученых-юристов до сих пор встречаются отдельные неточности, пробелы, неадекватные интерпретационные модели. П.А. Кропоткин в них выглядит основоположником теории судейского и даже правового происхождения государства¹. Не претендуя на полное устранение отмеченных недостатков, считаем необходимым заново рассмотреть указанную проблематику, подвергнув её комплексному анализу.

П.А. Кропоткин сделал многое для того, чтобы сформировать подлинно научную основу анархизма. При этом он стремился показать широкой общественности, что взаимопомощь и добровольная кооперация столь же значимы для прогрессирующего развития человечества, как и агрессивность, стремление к господству и прочие негативные свойства человеческой природы, о которых так много писали Т. Гоббс, социал-дарвинисты и другие исследователи. По глубине и широте охвата объектов исследования творчество П.А. Кропоткина не знало себе равных в тогдашней анархистской среде. Не потеряли своего научного значения и результаты его личных путешествий по Восточной Сибири и Северной Маньчжурии, в ходе которых ему удалось познать не только животный мир каждого края, но и реальную жизнь коренных народов и русского крестьянства, специфику их взаимодействия друг с другом. Все это до сей поры остается недоступным любому кабинетному мыслителю.

Желание упорядочить терминологию приводит П.А. Кропоткина в абстрактную сферу, представленную такими парными понятиями, как «государство» и «общество», «государство» и «правительство». Уточняя соотношение первой категориальной пары, он напоминает широкой научной общественности о том, что общество гораздо старше государства, напоминает о первобытном образе жизни тех людей, которые тысячелетиями обходились без какого-либо государства. Поэтому всякое стремление к отождествлению указанных понятий в высшей степени ошибочно. Столь же ошибочно, по его мнению, смешение между собой понятий, составляющих вторую категориальную пару. Государство уже только тем отличается от правительства, что представляет собой такую территориальную организацию, которая немыслима без концентрации большинства или даже всех функций жизни общества в руках немногих. Впрочем, и подобное уточнение показалось П.А. Кропоткину недостаточным. Поэтому он особо подчеркивает мысль

о том, что «это характерное различие, ускользающее на первый взгляд, ясно выступает при изучении происхождения государства»². Но вместо того, чтобы освещать процесс возникновения исторически первых государств, появившихся на Древнем Востоке, он сконцентрировался на проблеме образования современных ему европейских государств.

П.А. Кропоткин предпосылает их появлению три догосударственных этапа. От дикого племени к сельской общине и, наконец, к вольному городу продвигалось человечество, добиваясь заветной цели — вершины своего цивилизационного развития. С её достижением на заключительном этапе догосударственного развития средневековой Европы здесь появляется цивилизация, заметно превосходящая цивилизацию, современную Кропоткину. Крушение блестящей цивилизации, созданной вольными городами, произошло, с его точки зрения, в результате войн, развязанных против вольных городов только что появившимися государствами. Хотя П.А. Кропоткин специально не останавливается на причинах столь позднего возникновения европейских государств, начало этого процесса он относит к XVI столетию, но все же дает понять, что своим появлением они обязаны союзу трех политических сил: военачальников, судей и священников. Соединенными усилиями «новые варвары» разрушили прежний миропорядок, созданный вольными городами, крушение которых означает, что вся Европа вступает в новый исторический период своего развития — в «государственный период». По этой же схеме П.А. Кропоткин в самом общем виде излагает политическую историю Древнего мира — всюду, будь то Египет, Азия, Греция или Рим, на смену вольным городам приходят империи, среди которых им особо выделяется Римская империя с её централизацией, романизацией, римским правом. Именно эта империя рассматривалась им в качестве подлинного государства.

Налицо гигантский хронологический разрыв между Римской империей и государствами раннего модерна, неизбежно возникающий в схеме классика анархизма. Он позволяет думать, что П.А. Кропоткин наряду с первичным возникновением государства выделял и «возрождение» государственности³. Правда, сам анархист предпочел оставить в стороне становление первичных государств и стал уделять основное внимание именно «возрождению» европейской государственности,

¹ См.: Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994. С. 167; Самигуллин В. К. Государство (общетеоретические очерки). Уфа, 2012. С. 24.

² Кропоткин П. А. Государство, его роль в истории / [Соч.] Петра Кропоткина; пер. под ред. авт. Женева, 1904. С. 4–6.

³ См.: Ударцев С. Ф. Кропоткин / отв. ред. Л. С. Мамут. М., 1989. С. 43.

полагая, что в этом случае «сущность государства станет нам совершенно ясной»⁴.

Помимо древнейших государств Востока, которых с легкой руки Мортон Фрида принято обозначать в качестве государств первичных, в современной науке вслед за тем же Фридом принято выделять и государства вторичные⁵, к которым могут быть отнесены и варварские королевства Европы, включая державу Рюриковичей. Но все без исключения политики раннего европейского средневековья русский анархист к государствам «в точном смысле слова» никогда не причислял. С учетом данного обстоятельства трудно признать обоснованным вывод, принадлежащий С.Ф. Ударцеву: «правовой элемент в объяснении происхождения государства у Кропоткина несколько превалирует». Столь же необоснованна его интерпретация точки зрения русского анархиста на «происхождение Древнерусского государства», которая представлена С.Ф. Ударцевым как «своеобразная правовая (или судебная) концепция происхождения государства»⁶. Последний вывод выглядит особенно странным потому, что, по Кропоткину, все варварские королевства Европы, застрявшие на стадии общинного быта, настоящими государствами так и не стали. Процесс их перерастания в деспотии, подобные государствам Востока, повсеместно был прерван «революцией XII века», в результате которой по всей Европе, включая и Русь, на смену одной догосударственной стадии пришла другая догосударственная стадия, представленная вольными городами⁷.

При таком подходе, когда термин «государство» выглядит явно избыточным применительно к любому варварскому королевству, включая Русь IX–XI вв., государству Древнерусскому и терминологически, и в содержательном отношении в концепции Кропоткина попросту не нашлось места. Поскольку проблема происхождения средневекового европейского государства вообще и Древнерусского в частности П.А. Кропоткиным никогда не ставилась и не разрешалась, все рассуждения обратного характера приводят только к искажению его этактогенетической концепции. Перед классиком анархизма, отрицавшим по определению любую средневековую европейскую государственность, стояла иная задача — продемонстрировать широкой общественности все преимущества догосударственного общинного строя, включая правовую жизнь эпохи раннего и зрелого Средневековья.

С этой целью обратившись к истории Руси, Кропоткин не мог обойти вниманием известную легенду о «призвании варягов». В одной из своих работ чисто в гипотетическом плане он предложил собственную интерпретацию хорошо известной летописной формулы: «Да поидѣте княжить и володѣти нами»⁸. Первая часть этой формулы, представленная словом «княжить», сводится у него к значению «быть военачальниками», вторую же — «володѣти» он счел искаженным вариантом датско-норвежского аналога “lovidati”, т.е. «давать закон» (love — закон)⁹, указывать закон, приложимый к данному случаю⁹. Но для того, чтобы словесный портрет Рюрика полностью соответствовал бы образу князя-мироотворца, сложившемуся в сознании классика анархизма, ему пришлось внести в собственную картину дополнительный штрих. Им стало логическое допущение столь же гипотетического свойства, как только что приведенная «догадка». В самой категоричной форме Кропоткин призывал своего читателя рассматривать предводителя воинственных норманнов, призванного новгородцами, в качестве лучшего знатока славянского обычного права. И это требование он распространял на всю «норманнскую семью». В результате подобной логической реконструкции статуса князя, призванного новгородцами, из его состава совершенно исчезли правительственные полномочия — их место было занято полномочиями судебного характера, а о судьбе функции военного предводительства Кропоткин предпочел умолчать. При таком подходе, когда вопреки летописным известиям и сообщениям восточных источников, прямо или косвенно повествующим об активизации военно-грабительской деятельности на Северо-Западе Руси, возглавленной Рюриком, значение одной из княжеских функций непомерно преувеличивается в ущерб другим, классик анархизма пришлось совершенно пренебречь фактической стороной дела. Например, сообщением Новгородской четвертой летописи: «И пришедь старѣшиною Рюрикъ сѣде въ Новѣгородѣ, а Сѣнеоусъ, братъ Рюриковъ, на Бѣлиозерѣ, а Труворъ вы Изборьсцѣ; и начаша воевати всюды»¹⁰.

С очередной странностью мы сталкиваемся и тогда, когда таким эрудированным автором, каким был П.А. Кропоткин, была проигнорирована

⁴ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 7.

⁵ См.: Fried M.H. The evolution of political society: An essay in political anthropology. New York, 1967. P. xi, 231, 235, 236, 240, 242 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ru.b-ok.xyz/book/1237034/cc24a8> (дата обращения: 06.10.2022).

⁶ Ударцев С.Ф. Кропоткин / отв. ред. Л.С. Мамут. С. 47.

⁷ См.: Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 22, 23.

⁸ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; [Доп. М.Б. Свердлова]. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 13.

⁹ См.: Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / пер. с англ. В.П. Батурина; под ред. авт. Вновь пересмотр. и доп. и с предисл. авт. к этому изд. Пб.; М., 1922. С. 159.

¹⁰ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. IV. Ч. I. Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915. Вып. 1. С. 11.

этничность обычного права. Он совершенно пренебрег многочисленными свидетельствами о том, что наилучшими знатоками обычного права повсюду считались вовсе не чужеземцы, а свои собственные сородичи и соплеменники, принадлежавшие к старшему поколению. Учитывая изложенное, приходится признать, что мысль о норманнском превосходстве над славянами как в правопонимании, так и в применении славянского обычного права могла родиться только в голове ультранорманиста.

Конечно же, архаичная летописная лексика и столь же архаичная правовая терминология не раз попадали в поле зрения и других отечественных исследователей, среди которых всегда было немало норманистов. Не претендуя на полноту картины, ограничимся отдельными примерами. Так, давние сторонники пресловутой норманнской теории Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин в одной из своих статей приводят внушительный перечень древнейших славянских правовых терминов и формулировок. Среди них летописные формулировки: «володеть и рядить по ряду, по праву», «княжить и володеть» фигурируют без тех изменений, которые могли бы быть внесены в них в соответствии с «догадкой» П.А. Кропоткина¹¹.

В одной из монографий В.Я. Петрухин вновь подверг анализу лексику «варяжской легенды». В ней он пришел к выводу о том, что славянское право довольно активно воспринималось именно скандинавами¹². Следовательно, в работе В.Я. Петрухина ничто не указывает на превосходство скандинавов над славянами в познании славянского обычного права.

Историки-норманисты и русский анархист решали разные задачи: первые освещали процесс возникновения Древнерусского государства, второй же, используя контрастирующие сравнения, стремился продемонстрировать все преимущества «мирного» образа жизни варварских народов Европы, куда он включал и население Древней Руси. Решению этой задачи Кропоткин подчинил всё, включая источниковый материал. Именно этой установкой руководствовался он, осуществляя произвольные перестановки в летописных формулировках и выдвигая сугубо умозрительные гипотезы. Одним из результатов его произвольного конструирования стала гипотеза о судейском происхождении власти древнерусских князей и правителей варварских политий раннесредневековой Европы.

Такие политии в глазах П.А. Кропоткина выгодно отличались от всячески порицаемых им государств модерна уже тем, что государственным характером не обладали. Каким бы длительным ни был процесс государствообразования, как долго бы не эволюционировала власть правителей варварских королевств, прямая преемственность между ними и государствами эпохи модерна была невозможна уже потому, что они, по мысли Кропоткина, разнились между собой не только стадийно, но и типологически. Всей логикой своего повествования он подводит читателя к мысли о наличии полной цезуры — глубочайшего разрыва между двумя разнovidностями политий, отделенных друг от друга «полосой вольных городов». И эта мысль лишней раз свидетельствует в пользу того, что события и процессы эпохи раннего Средневековья в сознании классика анархизма напрямую не связывались с происхождением современных европейских государств. Не является исключением в этом плане и Древняя Русь, из всей первоначальной политической истории которой Кропоткиным особое внимание уделяется утверждению в её северо-западных пределах «миролюбивых» законодателей и судей, возглавивших точно такое же варварское политическое образование, какие существовали тогда по всей Европе.

Кстати, об этом совершенно недвусмысленно поведал сам П.А. Кропоткин, когда писал о том, что «государство есть форма общественной жизни, которая развилась только в XVI столетии». Поясняя свою мысль, он со всей определенностью отмечал: «Если же оно существует, несмотря на все, в учебниках истории, то это — продукт воображения историков, которые желали проследить родословное дерево французских королей до Меровингов, русских царей до Рюрика и т.д. При свете истинной истории оказывается, что современное государство образовалось только на развалинах средневековых городов»¹³. И это не случайная оговорка. Ибо он, порицая Герберта Спенсера, обозначавшего термином «государство» как раз те политии, которые в синхронно-стадийном отношении были близки Древней Руси и в которых еще не сформировались ни иерархическая организация власти, ни централизованная система управления, одновременно упрекал и тех ученых, кто относил к государствам «Галлию времен Меровингов», империю Чингисхана и вольные средневековые города, в том, что подобный подход «ведёт к совершенно неверным представлениям о жизни того времени»¹⁴.

¹¹ См.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исслед. 1990 г. М., 1991. С. 224.

¹² См.: Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 165.

¹³ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия / пер. с франц. под ред. авт. Пб.; М., 1920. С. 99.

¹⁴ Кропоткин П.А. Этика: избр. труды. М., 1991. С. 243 (Библиотека этической мысли).

Не менее важно помнить и о том, что, освещая движущие силы, породившие государство «в истинном смысле слова», П.А. Кропоткин вовсе не сводил их к одним лишь судьям. С его точки зрения, они входили в «тройственный союз», сложившийся «между военным вождем, судьей (наследником римских традиций) и священником», которые объединились «ради взаимного обеспечения своего господства». Именно им, как подчеркивает русский анархист, удалось создать «единую власть, которая стала повелевать обществом во имя интересов общества и в конце концов раздавила его»¹⁵. Легко заметить, что проблему возникновения государства, государства модерна, он решал с позиций теории насилия, которая совершенно несовместима с представлениями о мирном образовании государств, возникших в результате миротворческой деятельности судей. Неудивительно, что прямым результатом такого процесса (набегов и войн), по его мнению, стала трансформация свободных городских общин в государства военного типа. Их появление означало, что вся Европа вступила в новый исторический период — «в период военных государств, которые стремились “объединить”, т.е. подчинить все другие города одному королевскому или великокняжескому городу»¹⁶.

Само собой разумеется, что в таких условиях ни обычное право, ни судьи, его толковавшие и применявшие, не могли предотвратить заката и гибели некогда свободных городских общин. Так стоит ли вслед за С.Ф. Ударцевым и В.К. Самигуллиным обвинять русского анархиста в том, что он преувеличивал роль правового и судебного начал в процессе происхождения государства?

Гораздо ближе к истине С.Ф. Ударцев тогда, когда рассматривает взгляды П.А. Кропоткина на роль другого фактора государствообразования — солидарности, взаимопомощи, в их соотношении с солидаристским подходом, свойственным М.М. Ковалевскому. Исследователь русского анархизма, несомненно, прав, когда констатирует различие в трактовках исторической судьбы этого фактора на финальном этапе государствогенеза. В трактовке М.М. Ковалевского образование государства выглядело ярким воплощением эволюции солидарности, а для П.А. Кропоткина сам факт появления государства означал крушение былой взаимопомощи и солидарности некогда свободных людей и столь же свободных людских установлений.

Несомненной заслугой С.Ф. Ударцева является вовлечение в научный оборот архивного материала,

опираясь на который, он приводит весьма ценную цитату. Она открывается примечательной фразой: «Масса факторов способствовали появлению государства». Уже одна только эта фраза — свидетельство против монокаузальной трактовки государствогенеза. В перечне факторов фигурируют: «желание меньшинства воинов, законовладельцев, ученых и священников, которые хотели господствовать над массами», «необходимость обезопасить себя против нашествия чужестранцев». Замыкающим оказалось «римское право, т.е. византийское право, которое, в свою очередь, происходит от восточных деспотий», а предшествует ему «церковь, которая требовала повиновения власти»¹⁷.

Как видно, государство, по мысли Кропоткина, было порождено потребностями элитарных групп, среди которых судьи даже не упомянуты, зато на переднем плане фигурируют воины. С воинами, военным фактором у него связана и другая потребность — потребность в обеспечении безопасности населения от внешних угроз. Это обстоятельство объяснимо тем, что «весь XVI век» в глазах классика анархизма — «век резни и войн»¹⁸. Замыкающие перечень римское право и византийское право, объединенные в один фактор, — третьестепенны, подчинены реализации указанных потребностей. Поскольку в иерархии факторов, выстроенной самим Кропоткиным, правовому началу в его римско-византийском варианте уготовано самое последнее место, то, оставаясь в рамках данной иерархии, не может быть и речи о преувеличении им роли этого начала в процессе происхождения государства. Зато мысль о деспотических истоках византийского права, якобы восходящего своими историческими корнями только к государствам Востока, в свете современного знания выглядит явной карикатурой на правовую систему державы ромеев¹⁹.

Могут возразить, что в работе «Современная наука и анархия» можно обнаружить и несколько другую коалицию элитарных групп, представленную П.А. Кропоткиным в качестве союза, «заключенного между землевладельцем, воином, судьей и священником»²⁰. Видоизмененный состав правящих и господствующих групп приводится им и в другом месте: «Законодатель, поп, помещик и солдат, сомкнувшись в дружный союз вокруг трона, могли теперь снова продолжать свою гибельную

¹⁷ Ударцев С.Ф. Кропоткин / отв. ред. Л.С. Мамут. С. 49.

¹⁸ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.А. Мндоянца; предисл. Э. Реклю. С. 433.

¹⁹ См., напр.: Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

²⁰ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия / пер. с франц. под ред. авт. С. 99, 184.

¹⁵ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.А. Мндоянца; предисл. Э. Реклю. М., 1990. С. 423.

¹⁶ Там же. С. 429.

работу»²¹. Поскольку перечень «групп эксплуататоров», олицетворяющих самые разные «учреждения», варьируется на протяжении одной и той же работы, налицо незавершенность соответствующей каузальной схемы. Ей явно недостает стабильности, четкости и определенности. Показательно, что к числу «учреждений» П.А. Кропоткин относил не только суд и церковь, не только «военную власть», но и «капитализм». Постулируя между ними и государством «связь причины и следствия», он не раскрывал ни содержания понятия «капитализм», ни роли и места этого феномена в процессе государствообразования²².

Заметно обедняет концептуальные построения П.А. Кропоткина, лишает их возможности отражения вариативности общественно-политического развития европейских стран отсутствие их классификации. Трудami отечественных и зарубежных медиевистов тезис о многоплановости такого развития ныне получил признание широкой научной общественности. Примером тому может служить статья Т.Н. Таценко. Исследовательница проследила процесс трансформации германских территориальных княжеств в институционные государства, по мере прогресса которого в них возникали новые государственные органы: княжеский совет, казна и верховный суд. Датируя их появление первым десятилетием XVI в., она подчеркивает мысль о том, что «повсюду на главные роли выдвинулись компетентные служащие бюргерского происхождения». Это обстоятельство объясняется ею тем, что по всей Германии новым, специализированным государственным структурам были остро необходимы новые люди, обладающие новыми управленческими навыками, неведомыми немецкому дворянству. Помимо купцов, которых особенно много было в финансовых органах, где они абсолютно доминировали со второй половины XV в., формирующиеся институционные государства нуждались в услугах опытных юристов — знатоков римского права. Самые видные из них привлекались в качестве княжеских советников, иные становились судьями. В заключительной части рассматриваемой статьи помимо вывода о наметившейся уже в середине XVI в. интеграции «крупных чиновников бюргерского происхождения в среду дворянства» содержится позитивная оценка процесса региональной централизации в Германии. Важно и то, что автором проводится прямая аналогия с такого же рода процессами,

но происходящими на общегосударственном уровне, в Англии и во Франции²³.

Как видно, Германия, которая обычно тесно сопрягается с понятием «вольный город», продемонстрировала миру пример успешного развития другой политической структуры — «территориального государства». Что же касается «вольных городов», то, несмотря на все первоначальные успехи, их дальнейшая эволюция не возымела в этой стране позитивной перспективы. Еще более показательна судьба итальянских городов, которые столетиями во многих отношениях опережали все остальные города Европы. Но история распорядилась так, что за былой прогресс городов-государств децентрализованной Италии пришлось заплатить высокую цену — веками мириться с вторжениями соседних держав и утратой былого лидерства.

В XX столетии к проблеме исторического генезиса европейских государств обращались многие исследователи, среди которых оказался и Чарльз Тилли. Уже из названия одной из его книг — «Принуждение, капитал и европейские государства, 990—1992 гг.», переведенной на русский язык, можно сделать вывод, что рассматриваемый им процесс не сводится к одному лишь военному фактору. Но на с. 121 этой книги читаем: «Война была пряхой, из рук которой вышел клубок европейских национальных государств, а их внутренняя структура сложилась в результате подготовки к войне. Решающими для этого процесса стали 1500-е гг.»²⁴. Та же самая картина обнаруживает себя в более ранних эссе Ч. Тилли, опубликованных им в составе коллективных монографий. В них автором освещается внушительный перечень факторов, повлиявших на возникновение государств модерна. Так, в заключительном эссе к одной из таких монографий им приводится десять подобных факторов, но комментируя характерное мнение Эккехарта Кrippендорфа, Тилли отмечает: «Как и большинство авторов этой книги, он рассматривает создание армий как причину создания государства, а не как простой симптом его возникновения». Какова же собственная точка зрения Ч. Тилли? Ответ им дается во вводимом эссе: «На международном уровне войны и военные поселения были великими созидателями европейской государственной системы в целом»²⁵.

²³ См.: Таценко Т.Н. Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV — первой половине XVI в. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.). Л., 1990. С. 112, 113, 117, 129.

²⁴ Тилли Чарльз. Принуждение, капитал и европейские государства, 990—1992 гг. / пер. с англ. Т.Б. Менской. М., 2009. С. 121.

²⁵ Tilly Charles. Western State-Making and Theories of Political Transformation; Reflections on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe /

²¹ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.А. Мндоянца; предисл. Э. Реклю. С. 431.

²² См.: Кропоткин П.А. Современная наука и анархия / пер. с франц. под ред. авт. С. 99.

Если бы не крайне негативная характеристика строителей государств модерна, которую Ч. Тилли обнаружил на страницах монографии «Возвращение государства», то можно было бы констатировать полную неизменность его позиции спустя и 10 лет. В статье, вошедшей во вторую часть этой монографии, он проводил прямую аналогию между преступной деятельностью криминальных организаций, вымогающих у собственников денежные средства в обмен на свою «защиту», и правительствами западноевропейских стран, облагающими население все новыми налогами и поборами. Раскрывая финансовый аспект проблемы формирования государств модерна, он учитывает и способность организаторов европейских государств убеждать владельцев крупных капиталов финансировать их военную деятельность. Проводя столь нелестную аналогию между государственным строительством и организованной преступностью, исследователь совершенно недвусмысленно давал понять, что европейские государственные деятели и генералы той эпохи запятнали себя неблагоприятными деяниями, но не пожелал заклеить их всех позором, определить их как «убийц или воров». Тем не менее Ч. Тилли расценивал такую аналогию как весьма ценную. Ибо она в отличие от альтернативных версий, базирующихся на теориях общественного договора и открытого рынка, «имеет гораздо большее сходство с фактами». Поэтому и в этой публикации Ч. Тилли с подчеркнутым вниманием констатирует «взаимозависимость ведения войны и создания государства» и настаивает на том, что именно «война создает государства»²⁶.

Картина, представленная американским социологом, гораздо сложнее и более продвинута, нежели концептуальные построения П.А. Кропоткина. В её основе геополитический, миросистемный и прочие современные подходы. Широко используя исторические данные по европейскому средневековью, Европе Нового времени, Ч. Тилли констатирует на этом континенте наличие множества самых разных средневековых государственных форм, непосредственно предшествующих государствам национальным, и выделяет несколько путей их формирования.

Для Ч. Тилли было важно показать, как при ведущей роли прямого и косвенного насилия на

политической карте Европы появились те государства, которые сегодня у всех на слуху. В отличие от П.А. Кропоткина он не позволял себе замыкаться на таких сугубо локальных явлениях, как сельская или городская община, и проводил свои исследования преимущественно на страновом уровне. Использование им довольно широкого набора факторов государствообразования — свидетельство в пользу осознания им преимуществ полифакторного подхода, но попытки его осуществления всякий раз осложнялись совместной реализацией двух насильственных начал — собственно «принуждения» и «военной доминанты», выраженной в тезисе о военном происхождении государств модерна. Их комбинация с другими факторами государствообразования и между собой могла меняться от страны к стране, но главным вектором по-прежнему оставалось насилие. При всей схожести позиций П.А. Кропоткина и Ч. Тилли, тяготеющих к теории факторов, но сохраняющих приверженность теории насилия, между ними обнаруживается существенное различие — американский социолог не был анархистом.

* * *

П.А. Кропоткину был присущ нескрываемый антиэтатизм, которому он подчинил все, включая свою периодизацию всемирной истории, согласно которой человечество практически на всем протяжении своей добуржуазной истории развивалось от общины к общине, прекрасно обходясь без государства. За пределами этой схемы оказались многие государства, в том числе Русь и королевство Меровингов, которые служат образцами тупикового развития, так и не достигшего стадии государства, а не примерами, подтверждающими правоту судебской (правовой) концепции происхождения государства. Поскольку в его творчестве периодически обнаруживает себя идея военного происхождения государства, постольку классик русского анархизма с теорией насилия никогда не порывал. Анализ показал, что данная идея с особой силой проявила себя в феномене «военных государств» и менее заметна в конструкции факторов государствообразования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / пер. с англ. В.П. Батурицкого; под ред. авт. Вновь пересмотр. и доп. и с предисл. авт. к этому изд. Пб.; М., 1922. С. 159.
2. Кропоткин П.А. Государство, его роль в истории / [Соч.] Петра Кропоткина; пер. под ред. авт. Женева, 1904. С. 4–7, 22, 23.

by Charles Tilly. Princeton, New Jersey, 1975. P. 74, 622, 631, 632 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://book-szlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgcawnbmsb6s6qead.onion/book/948193/9e910f> (дата обращения: 13.09.2022).

²⁶ Tilly Charles. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / ed. by Peter B. Evans, Dietrich Rueschmeyer, Theda Skocpol. New York, 1985. P. 169, 170 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://book-szlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgcawnbmsb6s6qead.onion/book/817236/a0814e>, 12.09.2022.

3. *Кропоткин П.А.* Современная наука и анархия / пер. с франц. под ред. авт. Пб.; М., 1920. С. 99, 184.
4. *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.А. Мндоянца; предисл. Э. Реклю. М., 1990. С. 423, 429, 431, 433.
5. *Кропоткин П.А.* Этика: избр. труды. М., 1991. С. 243 (Библиотека этической мысли).
6. *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
7. *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исслед. 1990 г. М., 1991. С. 224.
8. *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 165.
9. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; [Доп. М.Б. Свердлова]. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 13.
10. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссии. Т. IV. Ч. I. Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915. Вып. I. С. 11.
11. *Самигуллин В.К.* Государство (общетеоретические очерки). Уфа, 2012. С. 24.
12. *Таценко Т.Н.* Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV – первой половине XVI в. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 112, 113, 117, 129.
13. *Tilly Charles.* Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992 гг. / пер. с англ. Т.Б. Менской. М., 2009. С. 121.
14. *Ударцев С.Ф.* Кропоткин / отв. ред. Л.С. Мамут. М., 1989. С. 43, 47, 49.
15. *Ударцев С.Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994. С. 167.
16. *Fried M.H.* The evolution of political society: An essay in political anthropology. New York, 1967. P. xi, 231, 235, 236, 240, 242 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ru.b-ok.xyz/book/1237034/cc24a8> (дата обращения: 06.10.2022).
17. *Tilly Charles.* War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / ed. by Peter B. Evans, Dietrich Rueschmeyer, Theda Skocpol. New York, 1985. P. 169, 170 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://bookszlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgczawnbmsb6s6qead.onion/book/817236/a0814e>, 12.09.2022.
18. *Tilly Charles.* Western State-Making and Theories of Political Transformation; Reflections on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe / by Charles Tilly. Princeton, New Jersey, 1975. P. 74, 622, 631, 632 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://bookszlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgczawnbmsb6s6qead.onion/book/948193/9e910f> (дата обращения: 13.09.2022).

REFERENCES

1. *Kropotkin P.A.* Mutual assistance among animals and people as an engine of progress / transl. from the English by V.P. Baturinsky; ed. by auth. Again rev. and add. and with the preface of the author to this ed. Petersburg; M., 1922. P. 159 (in Russ.).
2. *Kropotkin P.A.* The state, its role in history / [Essay] Peter Kropotkin; transl. ed. author. Geneva, 1904. P. 4–7, 22, 23 (in Russ.).
3. *Kropotkin P.A.* Modern science and anarchy / transl. from the French ed. author. Petersburg; M., 1920. P. 99, 184 (in Russ.).
4. *Kropotkin P.A.* Bread and freedom. Modern science and anarchy / introductory article, comp., text preparation and notes by SA. Mndoyants; preface by E. Reclu. M., 1990. P. 423, 429, 431, 433 (in Russ.).
5. *Kropotkin P.A.* Ethics: selected works. M., 1991. P. 243 (Library of Ethical Thought) (in Russ.).
6. *Medvedev I.P.* The legal culture of the Byzantine Empire. SPb., 2001 (in Russ.).
7. *Melnikova E.A., Petrukhin V. Ya.* “Row” legends about the vocation of the Varangians in the context of early Medieval diplomacy // The oldest states on the territory of the USSR. Materials and research. 1990. M., 1991. P. 224 (in Russ.).
8. *Petrukhin V. Ya.* Rus in the IX–X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith. 2nd ed., corrected and add. M., 2014. P. 165 (in Russ.).
9. The Tale of bygone years / text preparation, transl., art. and commentary by D.S. Likhachev; ed. by V.P. Adrianova-Peretz; [Additional by M.B. Sverdlov]. 2nd ed., corrected and expanded. SPb., 1996. P. 13 (in Russ.).
10. The Complete Collection of Russian Chronicles, published by the highest command of the Archeographic Commission. Vol. IV. Part I. Novgorod Fourth Chronicle. Pg., 1915. Issue 1. P. 11 (in Russ.).
11. *Samigullin V.K.* The State (general theoretical essays). Ufa, 2012. P. 24 (in Russ.).
12. *Tatsenko T.N.* Strengthening of territorial power and development of centralized state administration in the Electorate of Saxony in the second half of the XV – first half of the XVI century // Political structures of the feudal era in Western Europe (VI–XVII centuries.). L., 1990. P. 112, 113, 117, 129 (in Russ.).
13. *Tilly Charles.* Coercion, capital and European states, 990–1992 / transl. from English by T.B. Menskoi. M., 2009. P. 121 (in Russ.).
14. *Udartsev S.F.* Kropotkin / ed. by L.S. Mamut. M., 1989. P. 43, 47, 49 (in Russ.).
15. *Udartsev S.F.* Political and legal theory of anarchism in Russia: history and modernity. Almaty, 1994. P. 167 (in Russ.).
16. *Fried M.H.* The evolution of political society: An essay in political anthropology. New York, 1967. P. xi, 231, 235, 236, 240, 242 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://ru.b-ok.xyz/book/1237034/cc24a8> (accessed: 06.10.2022).
17. *Tilly Charles.* War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / ed. by Peter B. Evans, Dietrich Rueschmeyer, Theda Skocpol. New York, 1985.

- P. 169, 170 [Electronic resource]. — Access mode: URL: <http://bookszlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgczawnbmsb6s6qead.onion/book/817236/a0814e>, 12.09.2022.
18. *Tilly Charles*. Western State-Making and Theories of Political Transformation; Reflections on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe / by Charles Tilly. Princeton, New Jersey, 1975. P. 74, 622, 631, 632 [Electronic resource]. — Access mode: URL: <http://bookszlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgczawnbmsb6s6qead.onion/book/948193/9e910f> (accessed: 13.09.2022).

Сведения об авторе

ТИМОНИН Анатолий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий; 450005 Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

Authors' information

TIMONIN Anatoly N. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology; 131 Dostoevskogo str., 450005 Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia